Филимонов Дмитрий Александрович

канд. социол. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4041-5238

e-mail: fda70@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ В XVII В.

Аннотация. Начало XVIII в., эпоха преобразований Петра I, затронувших многие сферы жизнедеятельности российского общества и, в частности, перестройка высшей политической элиты были предопределены динамикой социально-экономических и политических процессов XVII в. Иными словами, в прошедших изменениях следует выделить объективную составляющую, отделив ее от субъективных характеристик политических деятелей конкретной исторической эпохи и, в частности, личности императора Петра I. В статье приведен анализ особенностей развития высшей политической элиты в XVII в. — в эпоху, предшествующую петровским преобразованиям. Необходимо осознавать, каков был ее портрет к началу преобразований, какие процессы его сформировали именно таким. Это позволяет оценить, каковы объективные предпосылки реформаторских действий Петра I, и с каким системным сопротивлением они объективно должны были столкнуться.

Ключевые слова: Алексей Михайлович, аристократия, Боярская Дума, боярство, местничество, модернизация элиты, Петр I, политическая элита, Россия, служилое государство, Федор Алексеевич, XVII в.

Цитирование: Филимонов Д.А. К вопросу о национальных особенностях модернизации политической элиты России в XVII в. // Вестник университета. 2020. № 8. С. 169–174.

ON THE ISSUE OF NATIONAL PECULIARITIES OF MODERNIZATION OF THE RUSSIAN POLITICAL ELITE IN THE XVII CENTURY

Abstract. The beginning of the 18th century, the era of the transformations of Peter I, which affected many spheres of the life of Russian society, and, in particular, the restructuring of the upper political elite, were predetermined by the dynamics of the socio-economic and political processes of the XVII century. In other words, in the past changes it is necessary to highlight the objective component, separating it from the subjective characteristics of political figures of a particular historical era and, in particular, the personality of Emperor Peter I. An analysis of the peculiarities of the development of the highest political elite in the XVII century, in the era preceding the Peter the Great's reforms has been given in the article. It is necessary to be aware of what its portrait was like at the beginning of the transformations, what processes formed it in this way. This allows you to evaluate what are the objective prerequisites for the reformatory actions of Peter I, and what kind of systemic resistance they objectively had to face.

Keywords: Alexei Mikhailovich, aristocracy, Boyar Duma, boyars, Fedor Alekseevich, modernization of the elite, parochialism, Peter I, political elite, service state, Russia, XVII century.

For citation: Filimonov D.A. (2020) On the issue of national peculiarities of modernization of the Russian political elite in the XVII century. *Vestnik universiteta*. I. 8, pp. 169–174. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-8-169-174

Говоря о высшей политической элите, мы подразумеваем круг лиц, непосредственно причастных к принятию политических решений, имеющих ключевую значимость для жизни государства и общества. Ключевым понятием, определяющим этот круг лиц применительно к XVII в., следует принять понятие «служилое государство». В процессе освободительного движения конца периода Смуты лидирующую роль на себя

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research under the scientific project No. 20-09-42064.

© Филимонов Д.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

взяли консервативные силы. Их консерватизм был востребован уставшим от потрясений обществом и базировался на идеализации спокойной старины, монархии, законной царской власти с сохранением Боярской Думы и Земского Собора. «Служилое государство» стало формой выхода из кризиса: каждое сословие обязано служить государству, выполняя определенный спектр повинностей. [6]

Формирование «служилого государства» и становление в России абсолютизма оказало сильнейшее влияние на развитие политической элиты. Элитное положение все более определялось приближенностью человека к царю и его служебной позицией, нежели чем прежними заслугами его рода. Особенности приходящей на смену Средневековой эпохи Нового времени требовали высокого уровня профессионализма в управлении, что обусловило возрастание вертикальной мобильности. Это потребовало не только формирования новых политических институтов, но и демонтаж устаревших, в частности, местничества, имевшего в предшествующую эпоху большое значение. В исторической науке XVII в. рассматривается как век, предшествующий масштабным переменам, начатым Петром I. При этом с одной стороны утверждается, что страна до петровских реформ была сосредоточием кризисов и отставала в своем развитии от передовых европейских стран, с другой стороны, отмечается преемственность петровских преобразований ранее протекавшим модернизационным процессам. Трансформация политической элиты при Петре I, по мнению автора, была также во многом предопределена и подготовлена процессами XVII в. Те механизмы, которые были им задействованы для проведения реформ, и, прежде всего, механизмы внутриэлитной мобильности, сформированы этими процессами.

XVII в. в российской истории стал переходным от Средневековья к Новому времени. Консервативная установка, утверждавшаяся в процессе выхода из Смуты, формировала преемственность с предыдущей эпохой, в то время как очевидны были черты уже наступившей новой эпохи. Это столетие стало эпохой серьезной модернизации всех сторон жизни российского общества. Шел активный процесс формирования абсолютистской модели российского государства. Аристократия, будучи опорой царской власти, вместе с тем обладала своим собственным интересом, зачастую не связанным с государственным. Абсолютистская же модель власти, не отрицая роли аристократии в управлении государством, не могла признать аристократию как самостоятельную силу, чей интерес может расходиться с интересом государства. Это вело к пересмотру значимости происхождения, прав и привилегий аристократии, принципов службы государству. Формировалось понимание боярства не только как принадлежности к роду, но и как чина. Боярские привилегии стали трактоваться в идеологии XVII в. не только как привилегии происхождения, но и как привилегии царского пожалования. Пожалование же определялось службой царю, которая ввиду религиозной легитимации царской власти становилась одновременно и службой Богу. В данной ситуации уходило в прошлое понимание «боярского рода», заменившееся представлением об отдельных членах аристократических родов, дослужившихся до высокого боярского чина. Боярство становилось характеристикой отдельного лица, признаком его скорее личным, нежели чем принадлежности к роду. Это способствовало становлению абсолютистских представлений в российской политической системе. Формирование Боярской Думы – высшего и важнейшего органа государственной власти – становится прерогативой царя, важным механизмом его контроля над аристократией [7].

Вместе с формированием идеи службы Богу через службу царю и ценности царской службы происходило формирование идеи милости от царя. Продвижение по службе, получение высоких чинов и назначений, включение в ближний царский круг рассматривалось как проявление этой царской милости. В 1660-е гг. появился новый принцип представления о служебной иерархии, предполагавший приоритет лиц, получивших назначения от государя, и, следовательно, исполнявших его дело над теми, кто, несмотря на высокое происхождение, таких назначений не получил. Такое назначение – пожалование лично от царя – могло частично компенсировать такие критерии, как происхождение и чин [7].

Включение в высшую политическую элиту, непосредственное участие в принятии важнейших государственных решений (элисту власти) преимущественно определяется включенностью в деятельность наиболее значимых государственных органов. В российской политической системе XVII в. таким органом, разделявшим власть с царем, являлась Боярская Дума. В сферу ее компетенции входили законодательные функции, включавшие разработку, обсуждение и принятие законов, а также судебные функции в качестве первой инстанции по политическим делам, должностным преступлениям и местническим спорам [4]. Несмотря на то, что к середине века ее значимость снижается ввиду учреждения царем Алексеем Михайловичем Тайного приказа, исполнявшего роль секретной царской канцелярии, и Приказа счетных дел, через

который осуществлялся царский контроль за финансовой деятельностью центральных учреждений, Боярская Дума по-прежнему выполняет роль центрального аристократического органа. Формирование указанных государственных органов означало утверждение абсолютистских принципов над коллегиально-аристократическими. Тот факт, что и Тайный приказ, и Приказ счетных дел были упразднены после смерти Алексея Михайловича, явным образом указывает на их личную ориентированность на фигуру конкретного монарха, его личный механизм осуществления государственной власти. Согласно Уложению 1649 г. Дума сохраняла статус высшего законосовещательного органа, принимавшего непосредственное участие в решении наиболее значимых вопросов внутренней и внешней политики государства. Она включалась в работу в тех ситуациях, которые явным образом не были отрегулированы законом или царскими указами. В описании деятельности московских приказов указывается, что «всякие государственные и земские дела велено им, приказным людям, делати по царскому указу и по Уложению, вправду; а чего не мочно им будет делать, велено спрашивать с бояры и думными людьми и с самим царем» [3, с. 146]. Московское законодательство формировалось на основе таких запросов и ответов Думы: приговор бояр по частному случаю становился законодательным актом.

Участием в работе Боярской Думы не ограничивалась политическая и административная деятельность ее членов. Члены Думы были не только советниками царя по законодательным вопросам, но руководили работой важнейших приказов, изб, возглавляли полки и дипломатические миссии [4]. Это обеспечивало высокий профессионализм элиты в решении большого спектра задач государственной жизни. Следует отметить, что к 1682 г. Боярская Дума состояла из 67 бояр, 57 окольничих, 38 думных дворян и до 15 думных дьяков [4]. Причем помимо представителей высших фамилий в составе Думы наблюдается большое число лиц, выдвинувшихся благодаря личным заслугам. Как одни, так и другие получили свое назначение от царя, однако критерии таких назначений были различными. Неоднородность состава Думы показывает, что признак рода в служилом государстве XVII в. хоть и имел значение, но во многом носил уже вторичный характер. Усложнение механизмов государственного управления предъявляло более высокие требования к качеству подготовки людей, ответственных за принятие важнейших государственных решений. Коллективный механизм принятия решений в Думе помогал компенсировать некомпетентность одних знаниями и навыками других. Однако для сохранения устойчивости элиты в данных условиях этого было недостаточно: требовалось увеличить приток в нее способных людей из неродовитых слоев. Это открыло возможности вертикальной мобильности выходцам из мелкопоместных дворян, купечества и приказных. Для представителей неродовитой части Думы служба чаще всего начиналась в качестве подьячих или дьяков, впоследствии происходил их карьерный рост до думных дьяков или думных дворян. В отдельных случаях они имели возможность дойти до чинов окольничих или бояр. Вторая половина XVII в. дает нам целую плеяду выдающихся политических деятелей, прошедших по такой карьерной траектории: Е. И. Украинцев, Л. Т. Голосов, А. Л. Ордин-Нащокин, Ф. Л. Шакловитый, Алмаз Иванов и целый ряд других. Из перечисленных персон все, кроме Ф. Л. Шакловитого, продвинулись по дипломатической службе и были связаны с Посольским приказом, занимавшим особое положение в системе управления. В его ведении, помимо внешней политики, находился целый ряд важных вопросов внутренней жизни страны [4].

Подобные трансформации объективно приводили к тому, что Боярская Дума, бывшая ранее «аристократическим советом», становилась бюрократическим учреждением [1]. Демократизация касалась как состава, так и деятельности Думы, к концу XVII в. значительно возрастает численность приказных людей, получивших свое место не по роду, а по службе. В период с 1668 г. по 1681 г. число думных дьяков в Думе возросло более чем в два раза с 7 до 15 человек [2]. Вместе с этим усиливалась роль думных людей в процессах управления. В начале века, в 1613 г., думные люди возглавляли всего треть приказов. К середине века численность возглавляемых ими приказов возрастает до половины и к концу века до четырех пятых [8]. Это способствует более тесной связи между Думой, как законосовещательным органом, и приказами, отвечающими за повседневное управление. В 1669 г. вводятся определенные дни для заслушивания руководителей важнейших приказов членами Думы, что способствует упорядочиванию деятельности высших органов власти. Кроме того, возрастает арбитражная роль Думы: ее члены руководят комиссиями по разбору дел о злоупотреблениях местных администраций. Структура думских комиссий во многом была схожа со структурами приказов, однако эти комиссии действовали в области верховного управления, находясь над приказами. Это обусловило трансформацию Думы из законосовещательного в распорядительное

учреждение к концу XVII – началу XVIII вв. [4]. Это вкупе с ликвидацией местничества может знаменовать кардинальные изменения в структуре элиты: служилый принцип, в последствии принцип «годности», вытесняет принцип родовитости. Происхождение в большей степени становится вопросом престижа, нежели чем политического влияния.

Значимым фактором во внутриэлитных отношениях Российского государства вплоть до конца XVII в. оставалось местничество. Сформировавшись в предыдущую эпоху и имев там серьезную значимость, в условиях наступающего Нового времени местничество стало рудиментом, тормозившим развитие «служилого государства», тормозило вертикальную мобильность. Сформировавшись и окончательно укоренившись в XVI в., местничество стало специфически русским явлением. Оно представляло собой систему, при которой положение лица в политической элите и на государственной службе определяется не столько личными заслугами конкретного человека, сколько положением его рода в аристократической системе. Прежде всего в практике служебной деятельности отражалось в ограничении возможности вступать в отношения «руководитель-подчиненный». Подчиненность ранее одного человека другому предполагала такое же соотношение в отношении членов его рода. Принятие назначения, не согласующимся с этим правилом, переход в подчиненное положение к человеку, родственники которого ранее находились в подчиненном положении к членам рода человека, принимающего назначение, означало «проруху» чести рода. Службы, где действовали местнические правила, считались «службыми местами» и назначение на них фиксировалось в Разрядном приказе. Касались местнические споры аристократов, внесенных в «Государев родословец», являвшийся официальным справочником и только тех служб, которые были внесены в разряд [7].

Следует отметить, что до середины XVI в. местничество носило характер компромисса между влиятельными аристократами и центральной властью. Он позволял аристократии защищать себя от центральной власти в условиях, когда до утверждения абсолютизма было еще далеко. Однако, этот механизм давал определенные рычаги и в руки великих князей, позволяя им выступать арбитрами в местнических спорах. «Местничество стало способом борьбы центральной власти с нетитулованной аристократией, так как поставило в зависимость от службы каждого представителя рода весь род» [7, с. 186]. Местническая традиция служила защитой аристократической верхушки, полагая предел возвышению незнатных великокняжеских и царских фаворитов. Они могли играть значительную роль при дворе, оказывать серьезное влияние на принятие политических решений, однако не могли получить формального старшинства над знатными родами, что делало их положение неустойчивым в долгосрочной перспективе. Весте с тем «честь» отдельного лица и его рода связывалась с расположением к нему великого князя (впоследствии царя). С середины XVI в. в местничестве произошли изменения, связанные с выработкой строгого порядка гражданской и военной службы, расширения числа разрядных служб, наметилась «демократизация» института местничества. К первой половине XVII в. местнические принципы стали проникать в среду городских чинов и, в первую очередь, выборного дворянства, а также дьяков и даже гостей. Это способствовало расширению социальной верхушки лиц, претендующих на политическое влияние [10].

Несмотря на то, что как в XVII в., так и в более ранний период царь являлся важнейшим звеном местнической системы, направляя и развивая это институт, ряд направлений государственной политики были наступлением на местнические порядки. Прежде всего, это перераспределение ролей царя и Боярской Думы в разрешении местнических споров. Дума, состоявшая как из высшей аристократии, так и из лиц, стремившихся по своему служебному и социальному положению сблизиться с аристократией, занимала противоречивую позицию. С одной стороны, аристократы при помощи местничества желали защитить свое привилегированное положение в социальной структуре, дистанцироваться от неаристократических слоев. Это не позволяло Думе занять по отношению к местничеству отрицательную позицию даже в том случае, если оно становилось вредным для государства. С другой стороны, местничество мешало вертикальной мобильности лиц неаристократического происхождения (как служебного, так и престижного) уже вошедших в число политической элиты. Интерес Думы к местничеству падал при его распространении за рамки аристократической верхушки, а также при его вытеснении из числа институтов, ответственных за рассмотрение местнических споров [7]. Вместе с тем местнические споры в аристократической верхушке по факту были спором с государем. Именно прерогативой царской власти было назначение на высшие государственные должности, следовательно, челобитчик, указывавший на то, что он оскорблен «в отчестве», проявлял недовольство кадровой политикой государя.

В случае, если иск в местничестве признавался несправедливым, это влекло наказание истца. На этапе становления абсолютизма царская власть объективно должна была прийти к выводу о том, что местнические споры – это не только противоречия между служилыми людьми, но и противоречие монаршим решениям. Возрастание роли службы в местнических отношениях, возникновение значительного числа «безместий» сокращало пространство местнических отношений. Это объективно привело к отмене местничества в 1682 г. Отмена местничества часто рассматривается как крупное поражение московской аристократии, однако вместе с тем отмечается, что осуществлена она была при ее активном участии. Ответную палату, занимавшуюся отменой местничества согласно царскому указу, возглавляли бояре кн. В. В. Голицын, кн. В. Д. Долгоруков, окольничий кн. Д. А. Барятинский [5]. Динамика формирования придворной элиты во второй половине XVII в. показывает, что отмена местничества не уничтожало московскую знать, а способствовало ее перерождению в придворную аристократию. Влиятельность аристократа конца XVII в. определялась не древностью его рода, а близостью и расположением к нему царя. Таким образом, царская служба уравнивала рюриковича князя М. Ю. Долгорукова, гедиминовича князя В. В. Голицына с не столь родовитыми, но сделавшими прекрасную служебную карьеру И. М. Языковым и И. Б. Хитрово. С отменой местничества не отменялся полностью принцип родословного старшинства. Напротив, происхождению служилого человека уделялось серьезное внимание: каждый служилый человек от боярина до подьячего должен был приносить родословные росписи. Этот новый проект старшинства был частично реализован созданием Бархатной книги. Однако, в полной мере его реализовать не удалось ввиду противоречий внутри элиты. «Палатские бояре» предлагали царю Федору Алексеевичу присвоить им наследуемые наместнические титулы, что сохраняло бы первостепенное значение старой аристократии. Проект, представленный И. М. Языковым, напротив выделял значение ближних чинов [5].

Помимо объективных факторов, определивших динамику политической элиты на протяжении XVII в., необходимо отметить субъективные факторы последней четверти века. Сюда прежде всего следует отнести слабость царствующих лиц и клановую борьбу между Нарышкиными и Милославскими. Краткое правление Федора Алексеевича, сумевшего, несмотря на юный возраст, провести ряд важных для страны реформ, в том числе отмену местничества, сменилось регентством Софьи Алексеевны над малолетними Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем. Происхождение матерей двух царей-соправителей из конкурирующих фамилий выдвинуло на первый план аристократов. Нарышкины и Милославские стремились укрепить свое положение при дворе и влияние за счет введения в Боярскую Думу и государев двор большее число своих сторонников, что приводит к появлению в политической элите «излишнего контингента» [9]. Дума становится инструментом борьбы между придворными кланами, в то время как реальное управление страной сосредотачивается в руках относительно узкой группы людей, находящихся как в Думе, так и вне ее.

Разрушение старой местнической системы и возникшие внутриэлитные противоречия по поводу новой вкупе с восторжествовавшим принципом «служилого государства» подготовило почву для последующих преобразований Петра I. Его принцип «годности», как основа знатности, стал естественным продолжением реформ его брата.

Библиографический список

1. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1968. – 368 с.
2. Ключевский, В. О. Боярская Дума древней Руси. – Изд. 5-е. – Петроград: Лит.-изд. отд. Народного Комиссариата по просвещению, 1919. – VIII, 543 с.
3. Котошихин, Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / подгот., публ., введ. ст., коммент. и словарь Г. А. Леонтьевой. – М.: Росспэн, 2000. – 271 с.
4. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление в России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 743 с.
5. Седов, П. В. Закат московского царства: царский двор конца XVII века. – 2-е изд., испр. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. – 604 с.
6. Сидоренко, Н. М. Россия в XVII веке // Дискуссионные вопросы российской истории. Материалы второй научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы отечественной истории в вузовском и школьном курсах». Арзамасский государственный пединститут. – Арзамас, 1995. – 296 с.
7. Талина, Г. В. Всея Великия и Малыя и Белья России самодержавие. Очерки абсолютизирующей монархии III четверти XVII века. – М.: ГНО Издательство «Прометей» МПГУ, 2005. – 376 с.

8. Устюгов, Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сборник статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза / Вступ. статья Н. И. Павленко; ред. коллегия: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1964. – С. 134-167.
9. Черников, С. В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура // Государство и общество в России XV-начала XX века: сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Санкт-Петербургский институт истории РАН. – СПб.: Наука, 2007. – 603 с.
10. Шмидт, С. О. У истоков Российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. – М.: Издательская группа «Прогресс»: Культура, 1996. – 493 с.

References

1. Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [*History of state institutions in pre-revolutionary Russia*], 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Vysshaya shkola, 1968. 368 p.
2. Klyuchevskii V. O. Boyarskaya Duma drevnei Rusi. [*Boyar Duma of ancient Russia*], Izd. 5-e. Petrograd, Lit.-izd. otd. Narodnogo Komissariata po prosveshcheniyu, 1919, VIII. 543 p.
3. Kotoshikhin G. K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha [*About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich*], podgot., publ., vvod. st., komment. i slovník G. A. Leont'yevoi. Moscow, Rosspen, 2000. 271 p.
4. Pisar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie v Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka: evolyutsiya byurokraticheskoi sistemy [*Public administration in Russia from the end of the 17th to the end of the 18th century: the evolution of the bureaucratic system*]. Moscow, "Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 2007. 743 p.
5. Sedov P. V. Zakat moskovskogo tsarstva: tsarskii dvor kontsa XVII veka [*The decline of the Moscow kingdom: the royal court at the end of the XVII century*], 2-e izd., ispr. St. Petersburg, "Dmitrii Bulanin, 2008. 604 p.
6. Sidorenko N. M. Rossiya v XVII veke [*Russia in the 17th century*]. Diskussionnyye voprosy rossiiskoi istorii. Materialy vtoroi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Diskussionnyye problemy otechestvennoi istorii v vuzovskom i shkol'nom kursakh" [*Discussion issues of Russian history. Proceedings of the Second Scientific-practical conference "Discussion problems of national history in university and school courses"*], Arzamasskii gosudarstvennyi pedinstitut. Arzamas, 1995. 296 p.
7. Talina G. V. Vseya Velikiya i Malyya i Belyya Rossii samodержavie. Ocherki absolyutiziruyushchisya monarkhii III chetverti XVII veka [*All Great and Small and White Russia autocracy. Essays on the absolutizing monarchy of the III quarter of the XVII century*]. Moscow, GNO Izdatel'stvo "Prometei", MPGU, 2005. 376 p.
8. Ustyugov N. V. Evolyutsiya prikaznogo stroya russkogo gosudarstva v XVII v. [*The evolution of the order system of the Russian state in the XVII century*]. Absolyutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.): Sbornik statei k 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 45-letiyu nauch. i ped. deyatel'nosti B. B. Kafengauza. Vstup. stat'ya N. I. Pavlenko; red. kollegiya: N. M. Druzhinin (otv. red.) i dr. [*Absolutism in Russia (XVII-XVIII centuries) Collection of articles to the 70th anniversary of the birth and 45th anniversary of the scientific and pedagogical activity of B. B. Kafengauz, Introduction to the article by N. I. Pavlenko, Editorial Board: N. M. Druzhinin (ed.), et al.*]. Moscow, Nauka, 1964. Pp. 134-167.
9. Chernikov S. V. Rossiiskaya elita epokhi reform Petra Velikogo: sostav i sotsial'naya struktura [*The Russian elite of the era of reforms of Peter the Great: composition and social structure*]. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV-nachala XX veka: Sbornik statei pamyati Nikolaya Evgen'yevicha Nosova [*State and society in Russia in the 15th-early 20th centuries: Collection of articles in memory of Nikolai Evgenievich Nosov*], Sankt-Peterburgskii institut istorii RAN. St. Petersburg, Nauka, 2007. 603 p.
10. Shmidt S. O. U istokov Rossiiskogo absolyutizma: Issledovanie sotsial'no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo [*At the origins of Russian absolutism: A study of the socio-political history of the time of Ivan the Terrible*]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa "Progress": Kul'tura, 1996. 493 p.